

**СТАНОВЛЕНИЕ КАБАРДИНСКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.
ТРИ СТАТЬИ ДЖ. НАЛОЕВА**

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

В статье анализируются предпосылки для генезиса и начальных этапов становления национального литературоведения, обозначены основные социально-политические тенденции, в условиях которых предпринимались первые попытки научно-критического осмысления первых художественных опытов поэтов и писателей. Представлена краткая характеристика жизни и деятельности одного из первых литераторов, видных общественных деятелей Джансоха Налоева. Анализируется статья Дж. Налоева «Поэты Кабардино-Балкарии», в которой представлен краткий очерк современной кабардинской и балкарской поэзии. Автор анализирует творчество первых советских поэтов Кабарды и Балкарии: Борукаева, Шекихачева, Шогенова, Лукожева, Блаева, Пшенокова, Кожаева, Гуртуева, Шахмурзаева, Отарова, Темоева и др. Статья Налоева «От мертвому к живому» явилась первым литературоведческим аналитическим произведением, в котором были подведены итоги национальной литературы Кабарды и Балкарии за 12 лет существования советской власти. В статье Дж. Налова «Литература Кабардино-Балкарии» отражена трансформация взглядов автора на кабардинский фольклор. Дж. Налоев явился первым профессиональным литературоведом и литературным критиком, который заложил основы отечественного кабардинского литературоведения, глубоко и всесторонне осмыслил сложный период формирования молодой кабардинской литературы начала века.

Ключевые слова: кабардинское литературоведение, интеллигенция 30-х годов, первые литераторы, сталинский режим, литературная критика, первые художественные произведения.

Адыгская литература рождалась в недрах смутного трагического времени, когда в стихии тотальных политических, социальных и культурных сдвигов была вызвана к жизни талантливая плеяда первой советской национальной интеллигенции. Она сформировалась на гребне демократической волны, повлиявшей на сознание передовых деятелей культуры, которые вобрали самую суть народного национального духа. В условиях всеобщей разрухи и обнищания масс, глубокого экономического кризиса, бесконечной смены враждующих партий и режимов, идеологической и культурной дестабилизации, тотального ужесточения правовых норм, героические усилия горстки энтузиастов кажутся немыслимыми, учитывая масштаб и значимость достигнутых результатов. Начальный этап формирования черкесской советской литературы, литературоведения и литературной критики можно назвать одним из самых трагических в истории народа. Почти все представители первой кабардинской и балкарской советской интеллигенции стали жертвами сталинского террористического режима; большая часть была уничтожена в 1936–1937 годах, остальные сосланы в лагеря.

Становление национальной литературы, ее первые робкие успехи, формирование жанров, целый ряд больших и малых проблем, насущных нужд на всех

этапах становления большей частью были глубоко осознаны самими литераторами, в первую очередь, Джансохом Налоевым, Али Шогенцуковым, Сосруко Кожаяевым, Хачимом Теуновым, Тутой Борукаевым, Таусултаном Шеретлоковым. Они были всесторонне проанализированы блестящим знатоком адыгского фольклора М. Талпой, другими представителями русской народной интеллигенции – П. Максимовым, Столяровым и др.

Одной из наиболее ярких личностей среди первых литераторов Кабарды являлся Джансох Налоев. После окончания староурухской средней школы юноша устроился на учебу в совпартшколу при ЛУГе. В 1929 году был призван в Красную Армию, после демобилизации работал инспектором политпросвета областного отдела народного образования, являлся управляющим агентства «Союзкино». В 1932 году Дж. Налоев был рекомендован аспирантом историко-лингвистического отдела Ростовского горского научно-исследовательского института. Некоторое время (1933) проработал в должности заместителя учебной части Пятигорского педагогического института. В начале 1934 принял деятельное участие в создании первого КБНИИ в Нальчике, возглавлял его, но вскоре по прошествии нескольких месяцев был рекомендован на должность председателя кабардино-балкарского отделения Союза Писателей. Налоев был избран делегатом на Первый всесоюзный съезд писателей.

Большое значение Налоевым уделялось развитию и становлению национальной литературы, он принимал самое активное участие в создании кабардинского алфавита на русской графической основе. В 1936 году Налоев был арестован по ложному обвинению в «участии контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, ведению работы по созданию террористических групп», осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. В августе 1957 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР был реабилитирован.

За свою недолгую жизнь Джансох Налоев не только руководил первым национальным НИИ и возглавил только что созданное Правление Союза Писателей, но явился духовным лидером национальной творческой интеллигенции. Он заложил основы кабардинского эпического жанра (рассказ «Новизна»), драматургии (пьеса «Каригот», написанная в соавторстве с П. Шекихачевым), литературного перевода. Обладая хорошей теоретической подготовкой и художественным чутьем, Налоев проявил себя замечательным координатором и теоретиком. В трех литературоведческих статьях, написанных в середине тридцатых годов, он одним из первых осмыслил и проанализировал процесс формирования и становления национального литературного процесса.

Краткий очерк современной кабардинской и балкарской поэзии представлен в статье Дж. Налоева «Поэты Кабардино-Балкарии».

Автор анализирует творчество первых советских поэтов Кабарды и Балкарии: Борукаева, Шекихачева, Шогенова, Лукожева, Блаева, Пшенокова, Кожаяева, Гуртуева, Шахмурзаева, Отарова, Темоева и др. К старшему поколению кабардинских поэтов он относит Т. Борукаева и П. Шекихачева, между которыми просматривается «колоссальная разница и в творчестве, и в мировоззрении». Дж. Налоев руководствуется советской методологией переходного периода, когда преобладающее значение в интерпретации художественных произведений придавалось классовому антагонизму и социальному происхождению автора.

Особенности поэтики Т. Борукаева, в основе которого лежит чувство классового неравенства, объясняется «батрацким происхождением» поэта, социальная поэтическая детерминанта усугубляется его увлечением и хорошей «вооруженностью» основами классиков марксизма, которые занимают «большое место в домашней библиотеке» поэта. Автор отмечает эмпирику, народность, «детскую» простоту стихотворного творчества. Стихи кабардинского поэта «мастерски

вплетают драгоценные нити в создаваемые образы нашей эпохи, они оригинальны и в своей оригинальности неподдельны. Он без всякой «хитрости принимает вещи в их естественном виде, ярко скрашивает их в своей поэтической лаборатории» [Налоев 2004: 107]. В качестве критической претензии исследователь указывает на отсутствие авторского «я». Кроме стихов автор статьи анализирует целый цикл *басен*, который свидетельствует об умении поэта мастерски осмысливать темы в «юмористическом духе». Но поэтическое мастерство в области нового жанра басни требует своего дальнейшего развития и совершенствования, так как «кабардинская литература растет несколько односторонне».

Творчество другого кабардинского литератора П. Шекихачева по мнению исследователя не проявлялось до начала реконструктивного периода. «Он был пассивен, молчалив и занимал какую – то выжидательную позицию». Автор статьи полагает, что импульс к творчеству был вызван революционными преобразованиями, которые позволили проявиться поэтическому потенциалу Шекихачева «очень ярко». Поэт вошел в литературу созданием нескольких эпических произведений и циклом бытовых песен. Зрелый этап его творчества увенчался созданием нескольких десятков стихотворений, весьма актуальных по проблематике и значительных по художественным характеристикам. В свое время поэтические произведения Шекихачева приобрели заметную популярность в Кабарде. Дж. Налоев, отводя большое значение социальному происхождению и образованию, полагал, что для творческого роста поэту следовало бы преодолеть зависимость от догм мусульманской религии, учитывая то обстоятельство, что П. Шекихачев закончил медресе. Автор статьи возлагает большие надежды на творческие перспективы поэта.

Достаточно высоко оценивается поэтическое творчество молодых кабардинских поэтов, таких как Шогенов, Пшеноков, Лукожев (в тексте Дж. Налоева отмечены лишь фамилии без имен – М.Х.). Однако фактором, объединяющим их творчество, автор считает подражательство: «У каждого из них есть избранники, у которых они учатся и которым в некоторых случаях подражают. И если в их творчестве, – продолжает исследователь, – есть какая-нибудь формальная разница, то ее можно объяснить только различием в творчестве их избранников» [Налоев 2004: 108]. Автор указывает на положительное влияние поэтов старшего поколения (Т. Борукаева, П. Шекихачева, П. Кешокова). По представлению молодого исследователя, именно императивность этого творческого пробуждения выводили молодых поэтов из рамок национальной кабардинской поэзии. Поэтому вполне закономерно проявлялась тяга к творчеству Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Анализируя особенности индивидуального творчества молодых поэтов, Д. Налоев большой акцент делает на критических замечаниях. Так, говоря о поэтике Шогенова, он отмечает, что автор «потерял понятие об отдельной личности... У него поет не колхозник, а колхоз, не школьник, а школа, не пионер, а пионеротряд и т.д. Личность растворяется в коллективе и немедленно приобретает тот цвет, который носит коллективная среда» [Налоев 2004: 109]. Но если у Маяковского, на стиль которого ориентируется молодой кабардинский поэт, выражена убедительная художественная мотивировка, то у Шогенова она «слаба и неубедительна».

Острой критике подвергается творчество Пшенокова, при этом автор позволяет себе открытую иронию. («Пшеноков – большой оптимист. Для него все темы, какие бы они ни были, одолимы») [Налоев 2004: 109]. Стихи молодого поэта, по мнению Налоева, преимущественно слабы, грешат схематичностью или «политическими ошибками».

Характеристику балкарской поэзии предваряет яркая экспозиция, в которой достаточно негативно оценивается дореволюционная жизнь Балкарии, которая «влачила свою жизнь в темноте и в окружении дикой и властной природы» [Налоев 2004: 110]. Этому «темному» периоду истории противопоставляется этап

описываемых тридцатых годов, когда «балкарский народ в союзе с братской Кабардой и русским рабочим классом сбросил своих князей, и жизнь его начала расцветать настоящим цветом культуры и цивилизации. Он создал свою письменность, выдвинул из своих недр прекрасные таланты – Гуртуева, Шахмурзаева, Отарова, Тоттаева, Теммоева и др.» [Налоев 2004: 110].

Творчество Б. Гуртуева, по мнению автора, смыкается с творчеством литературной молодежи «и вместе с ней поднимается на вершины русской классической поэзии» [Налоев 2004: 111]. Молодой балкарский поэт явился новатором, усвоившим технику русского классического стиха, на ее основе им были внесены коренные преобразования в структуру старой балкарской песни. Автор подчеркивает, что Гуртуев целенаправленно изучал балкарский фольклор, положенный позже в основу его творчества. В результате балкарский народный стих стал более строго и точно рифмованным, обрел новое музыкальное звучание. Подобный яркий творческий феномен, по мнению исследователя, не смог бы состояться без поэтического влияния поэтов старшего поколения, в частности, Шахмурзаева и Отарова. Автор называет Гуртуева «первым поэтом Балкарии». Его стихотворение «Октябрь» может быть поставлено рядом с лучшими образцами современной пролетарской поэзии.

Дж. Налоев подводит итог развития поэтических произведений: стихи молодых авторов весьма популярны среди населения, «передаются из рук в руки», оправдывая репутацию настоящей народной поэзии.

Вместе с тем, автор отмечает ряд общих недостатков, характерных для творчества балкарских поэтов тридцатых годов: замкнутость на себе, творческую разобщенность; как следствие творческого индивидуализма – отсутствие необходимой литературной среды, призванной формировать «новые кадры». Однако исследователь указывает на существование реальных предпосылок, которые позволяют балкарской поэзии в перспективе «одолеть кустарщину» и принять более организованную форму.

Статья Налоева «От мертвому к живому» явилась первым литературоведческим аналитическим произведением, в котором были подведены итоги национальной литературы Кабарды и Балкарии за 12 лет существования советской власти. Осмысливая с позиции советской модернизации значительный масштаб изменений, которые произошли в культурной жизни республики, автор делает следующие выводы:

1. Возникновение кабардинской и балкарской литературы позволило совершенно опровергнуть бытовавшее реакционное понятие (имеется ввиду, очевидно, соответствующее представление со стороны царского правительства дореволюционной России – М.Х.) об отсутствии возможностей для создания национальных литератур в регионе.

2. Произошла заметная трансформация кабардинского и балкарского языков за счет литературного, который заметно обогатил арсенал народного языка общения, благодаря чему прежний крестьянский язык утратил свою лапидарность.

3. Созданы предпосылки для дальнейшего творческого роста литераторов.

4. Преодолена «социальная немота», характерная для прежних дореволюционных времен, появилась живая заинтересованность в литературе со стороны общества и общественных организаций.

5. Появление письменности открыло большие перспективы во всех сферах культурной жизни. Возникновение читательской среды, письменной литературы и печати создали условия для непосредственного взаимообусловленного влияния.

6. Поэты отошли от фольклорной традиции; по образному выражению Дж. Налоева «перестали ...ходить в дырявой поэтической рубаше Сосуру». Представители молодой национальной литературы начали формировать свой литературный стиль, мотивы, темы и художественные приемы.

Дж. Налоев одним из первых отметил ведущее значение литературного метода и посвятил ему большую часть статьи «От мертвого к живому». Подчеркивая слабость, незрелость литературного метода тридцатых годов, он определяет его как «эмпиризм», под которым подразумевается «поверхностный рассказ о событиях или вещах». В противоположность этому выдвигается альтернативная методологическая модель, которая заключается в отражении сущности целостного подхода.

С другой стороны, по мнению исследователя, литературный метод должен быть дуальным («двояким»): каждый молодой автор должен расти формально, как художник, но ему необходимо развивать методологический подход, который заключается в необходимости изучения марксизма-ленинизма. Увлекаясь большевистскими идеями, Налоев признает, например, что молодому писателю следует рекомендовать учиться у Толстого или Лермонтова, хотя «они не могут быть целиком приемлемы... без Маркса – Ленина» [Налоев 2004: 116].

На ранних этапах творческого становления, (которые хронологически соответствовали написанию статьи «От мертвому к живому»), Дж. Налоев сам переживал мировоззренческий и методологический радикализм: помимо крайнего увлечения классиками марксизма-ленинизма, он нивелировал значение кабардинского фольклора в формировании литературы. Свое представление об основных принципах литературного метода автор заключает известным положением Сталина о том, что «художественная литература должна быть... национальная по своей форме и социалистическая по своему содержанию».

Говоря о формировании литературной традиции, Дж. Налоев ориентируется на опыт мировой и особенно русской классической литературы. Становление современной национальной традиции, по мнению автора, не может опираться на прошлое, оно диктуется «самой практикой социалистической стройки». Имея ввиду богатый опыт социалистического строительства в России, автор подчеркивает необходимость заимствования у русского народа «закон, по которому построена его литература, по которому может быть построена и наша» [Налоев 2004: 117].

В статье большое внимание уделяется анализу и критике сборника «Первый шаг». Исследователь проявляет недовольство по поводу того, что «писательский актив» в нем представлен далеко неполно, в сборник, например, не вошли стихи П. Шекихачева, Т. Борукаева. Подавляющее большинство представленных произведений, состоятельных в идейном и политическом смысле, далеки от художественного совершенства, отличаются значительной «пестротой» и незрелостью. Автор противопоставляет им высокое художественное мастерство А. Шогенцукова и П. Шекихачева. Статья содержит критику стихов Шакова, которые определенно грешат отсутствием стилевого единства: в стихотворении «1 Мая», например, первые строчки рифмованы русской рифмой, вторые – старинной кабардинской, третьи совершенно лишены рифмы. В стихах нет не выдерживается размер, нет образов, стихи сухие, «неудобоваримые». Вместе с тем, критика направлена исключительно на исправление недостатков, автор верит в успех поэта, «свидетельством этого может служить его стихотворение «Цыхубз усэ», которое сделано с «известным вкусом и знанием дела».

Примерно такой же откровенной критике автор подверг творчество Афаунова, которое характеризуется невысоким художественным уровнем, отсутствием цельности, завершенности, наличием подражательности Д. Бедному и пр.

Дж. Налоев одним из первых высоко оценил значение творчества А. Шогенцукова, силу дарования, яркие художественные особенности его произведений: «Особое внимание надо обратить на Шогенцукова, этого богатейшего молодого самородка, стихи которого поражают читателя необычно ярким блеском. Стихи Шогенцукова наиболее полно и безупречно отвечают основному лозунгу: за большое искусство большевизма. Вместе с тем наряду с большой художественной цельностью стихи Шогенцукова жизненно... актуальны. В тематике он идет

от Шогенцукова – лирического тенора к Шогенцукову – большому политическому поэту... Тематика его разнообразна. Яркий, прочно мотивированный образ, богатый лексикон и умелое пользование им, фантазия, красивая, очень близкая к действительности, большая сочность, большое знание темы и любовь к ней, планомерность, законченность и определенная целеустремленность... Все творчество его динамично, монолитно, неподдельно... У него нет печали, он оптимист и в своем оптимизме – творец. Он хочет быть упрямым господином природы, ее повелителем и заботливым отцом» [Налоев 2004: 122]. Характерно бережное, заботливое отношение Д. Налоева к любому таланту, дарованию. Говоря о блестящем творчестве кабардинского поэта, автор заключает, обращаясь к коллегам: «Неизвестно, как пойдет дальнейшее развитие поэта, но он должен быть поощрен и окружен известной товарищеской теплотой, чтобы не засохло то прекрасное начало, которое ему уже дано» [Налоев 2004: 122].

Статья «От мертвого к живому» явилась по существу первым профессиональным исследованием, посвященным проблемам национальной литературы. В ней сделана попытка выделить ее приоритетные направления на этапе начального развития, представлен объективный критический анализ творчества поэтов-современников, определяется роль и значение каждого из них в рамках национального литературного процесса. Обозначенная Дж. Налоевым около ста лет назад идея интеграции с мировой, в том числе, русской классической литературой сохраняет острую актуальность в наши дни и непосредственно проецируется на проблемы современности. Вместе с тем, очевидны заблуждения молодого исследователя, его тотальное отрицание кабардинского фольклора и мифологии для развития молодой литературы. Название статьи «от мертвому к живому» представляется с амбивалентной семантикой: имеется ввиду «мертвенность» фольклора, относящегося к дореволюционному прошлому, в противоположность этому утверждается актуальность молодой национальной традиции, связанной с соответствующими «вечно живыми» идеями марксизма-ленинизма. С высоты прошедшей эпохи обнаружилась ошибочность подобной позиции; последующее развитие национальной литературы обозначило кабардинский фольклор как самую плодотворную мощную основу для развития всех литературных жанров.

В статье Дж. Налова «Литература Кабардино-Балкарии» отражена более поздняя трансформация взглядов Налоева на кабардинский фольклор. Если в предыдущей статье он определяется как «мертвое» наследие «проклятого прошлого», то в данной статье исследователь приходит к противоположным воззрениям. «Творчество эпохи иныжей нам известно в громадном своем большинстве в виде легенд, загадок и былин, в то время как *нартовская эпоха кладет начало не только песнетворчеству, но и кабардинской прозе* (курсив мой – М.Х.), – пишет Налоев. – Причем проза здесь проявляется в виде толкования происхождения той или иной песни, длинных комментариев тех или иных имен, которыми очень богаты эти песни... Эпоха Нартов, родившая песнетворчество, дала толчок развитию творчества и в жанровом отношении. Мы знаем появление первой кабардинской эпиграммы, связанной с именем Сосруко, Баданоко и других великих Нартов, но следует заметить, что эпиграмма как жанр – позднее (явление? – М.Х.) очень рано вышла из обихода, и анализ посленартовского эпоса не находит ее существования» [Налоев 2004: 124].

Статья отражает авторский резонанс «по изучению и публикации...эпоса», предшествующий исторической публикации «Кабардинского фольклора» в 1935 году. Любопытно, что некоторые тезисы прямо противоположны соответствующим положениям предыдущей статьи. Так, говоря о фольклоре, Налоев отмечает: «мы ищем своего предшественника... поскольку современность нашей литературы своими корнями, правда, бесформенно, но все же уходит в глубокую седину древности» [Налоев 2004: 125]. В качестве живого доказательства

фольклорного влияния на литературу, Дж. Налоев приводит в пример пьесу «Коригот» (в соавт. П. Шекихачева и Дж. Налоева), несколько рассказов на кабардинском и балкарском языках.

Пионерами новой художественной литературы, полагает автор, являются П. Шекихачев и Т. Борукаев. Их творчество воплощает переход от фольклорной традиции к литературной. Дж. Налоев подробно останавливается на личностном и творческом становлении кабардинских писателей, влиянии на молодых поэтов, благодаря чему можно говорить о преемственности поэтической традиции и школе мастерства. Автор называет имена молодых перспективных поэтов: М. Пшуноков, П. Кешоков, М. Афаунов, А. Пшеноков. Из этой группы особенное внимание исследователя привлекает творчество Абдула Пшенокова, который положительно повлиял на структуру современного кабардинского стихосложения благодаря хорошей теоретической подготовке и великолепному знанию русской и мировой поэзии. Его стихи «прекрасны и неподдельны».

В этой статье, так же, как в предыдущей, Д. Налоев особое внимание уделяет творчеству А. Шогенцукова: «Шогенцуков характерен как наиболее ярко сверкающий талант-самородок, по-новому и уже как-то особенно сказавший о тех вещах, о которых говорили десятки поэтов. Жизненные явления он берет в их собственном виде... Он окрашивает их в яркие и неподдельные цвета, и пред вами вырастают убедительные монументальные образы, поражающие вас своей красотой, необычным блеском и свежестью. Точное знание языкового материала и достаточное владение им, знание нескольких языков и умелое сцепление их образов в единую систему дают возможность Шогенцукову делать поэтически совершенные вещи... В кабардинской поэзии Шогенцуков играет крупную ведущую роль...» [Налоев 2004: 130].

Налоев отклоняет привычные литературные параллели между Лермонтовым и Шогенцуковым, Есениным и Шогенцуковым. Если Есенин, например, видел в «железном госте» гибель старой России, то кабардинский поэт в железном «коне» видит ее спасение. Автор статьи отмечает радостное, оптимистическое начало в творчестве кабардинского поэта. Вместе с тем, Налоев не теряет критического взгляда на его творчество, отмечая недостаточный уровень теоретической подготовки, желает укрупнить поэтический «размах», все еще недостаточный для поэта.

Дж. Налоев обеспокоен состоянием *кабардинской и балкарской прозы*; в тридцатые годы она была представлена преимущественно *очерком* («проза родилась в виде очерка»). К числу основоположников этого жанра принадлежат Х. Теунов, З.Б. Максидов, М.А. Афаунов, среди балкарских авторов – С.Ш. Хочуев, А. Ульбашев. Среди кабардинских авторов-прозаиков особенно выделяется С.М. Кожаев, «как последовательный основоположник прозы, давший наиболее значительную по своей художественной зрелости и актуальности... повесть «Молодняк». Дж. Налоев отмечает значимость выбранной темы, посвященной современности, так как все остальные прозаики (включая и автора статьи) «пишут на отвлеченные темы: Ульбашев А. оформляет эпизоды гражданской войны, Хочуев С. пишет о перевоспитании беспризорников в эпоху революции и гражданской войны; Налоев рисует картину гражданской войны и гибели кабардинского княжества» [Налоев 2004: 133]. Автор приводит краткий анализ художественных особенностей повести С. Кожаева: «В ней с большой яркостью даны глубокие человеческие чувства любви, зависти, дружбы, ненависти, применительно к конкретной социально-политической обстановке» [Налоев 2004: 133]. К ряду достоинств исследователя причисляется реалистичность художественного произведения. Вместе с тем, автор обращает внимание на слабые стороны: плохо развита «женская тема», образы героинь характеризуются непоследовательностью, недостаточной выразительностью и полнотой. Автор отмечает недостаток художественных средств выражения, язык повести «местами избитый, суховато-канцелярский».

Большое внимание в статье уделяется обзору балкарской литературы. К числу поэтов старшего поколения автор относит С.О. Шахмурзаева и Р.К. Отарова. Оба явились родоначальниками балкарской поэзии и детской художественной прозы. Р. Отаров «по преимуществу – создатель детских книг на балкарском языке, несколько стихотворений автора вошли в школьные хрестоматии» [Налоев 2004: 134]. Среди плеяды молодых балкарских поэтов выделяется Б. Гуртуев; тематика его художественных произведений всегда актуальна, современна и значительна.

Балкарская проза, так же, как кабардинская, родилась значительно позже поэзии. Первым прозаическим произведением явилась повесть молодого балкарского прозаика С. Хочуева «Сафар», в которой освещается актуальная тема беспризорников, оставшихся после гражданской войны. Со временем некоторые из них становятся активными революционерами и передовыми советскими трудящимися. После выхода повести были написаны «1919 г.» А. Ульбашева, ряд новелл Х.Х. Кадиева, Р.К. Отарова и др.

Д. Налоев подвел итоги начального периода становления национальной литературы, обозначил появление литературных жанров, таких как повесть, рассказ, очерк, поэма, стих, песня, басня, народная драма. В связи с тем, что литература выросла столь «быстро и разнообразно», автор отмечает необходимость знакомства с ней широкого круга читателей. Возможность такой реализации он видит через Союз Писателей, обозначает возможность серьезного овладения литературой через учебу.

Три статьи Дж. Налоева явились определяющими для кабардинского литературоведения начального периода. Несмотря на относительную лаконичность, они, тем не менее, содержат основные характеристики наиболее значимых тенденций и проблем национальной литературы. Налоев дает определения литературным жанрам, их стадильности, особенностям их развития. Определяется место и значение индивидуального творчества каждого писателя и поэта Кабарды и Балкарии в литературном процессе. Молодой исследователь впервые дает высокую оценку поэтическому творчеству А. Шогенцукова.

Блестящий литературовед, Дж. Налоев выступает и как яркий, талантливый литературный критик. Однако традиции, заложенные им в области литературной критики, в целом не получили достаточного развития в истории кабардинской литературы по целому ряду объективных и субъективных причин.

Характерно, что ранние наиболее показательные тенденции молодой литературы, впервые отмеченные и сформулированные Дж. Налоевым, сохранились почти неизменными вплоть до наших дней, что позволяет говорить об устойчивых особенностях, присущих национальному литературному процессу.

Содержание статей отражает динамику мировоззрения молодого исследователя; по некоторым проблемам оно меняется порой радикально. Это касается, в частности, отношения к кабардинскому фольклору. Если в статье «От мертвого к живому» Налоев относит его к отжившему, «мертвому» субстрату, который может представлять лишь исторический интерес, то в более поздней статье «Литература Кабардино-Балкарии» автор определяет его «предшественником» молодой кабардинской литературы. Такая стремительная динамика роста индивидуального эстетического и культурного представлений интересна с точки зрения исторической ретроспективы, так как может служить в известной степени зеркальным отражением развития литературоведческой мысли в целом. Вместе с тем, статьи молодого талантливого исследователя способны отражать особенности рефлексии в отношении литературного процесса со стороны отдельных представителей творческой интеллигенции тридцатых годов.

Дж. Налоев явился первым профессиональным литературоведом и литературным критиком, который заложил основы отечественного кабардинского литературоведения, глубоко и всесторонне осмыслил сложный период формирования

молодой кабардинской литературы начала века. Глубоко веря в неисчерпаемые перспективы национальной культуры, он сумел консолидировать вокруг себя представителей первой творческой интеллигенции: писателей, поэтов, журналистов. Название его повести «Начало» сочетается с начальным периодом становления юной кабардинской литературы, собственной творческой и личной судьбой, оборвавшейся в самом начале, на тридцать втором году жизни. По той же иронии судьбы завершающий абзац последней статьи Налоева («Литература Кабардино-Балкарии») посвящен «большому другу литературы», секретарю обкома Беталу Калмыкову, при непосредственном участии которого осуществлялся процесс массовых репрессий сталинского режима, в том числе лучших представителей первой советской творческой интеллигенции Кабарды. Трагично сложилась судьба многих кабардинских литераторов начального периода, погибших в застенках НКВД в августе 1937 года, другая, меньшая часть была сослана в лагерь. Но живые традиции, заложенные талантливой плеядой первых кабардинских литераторов, нашли отражение в развитии будущих поколений поэтов и писателей, определили их общее направление.

Источники и литература

1. *Нало Жансохъу*. Литературей щІэиныр. Налшык, 2004.

THE FORMATION OF KABARDIAN LITERARY CRITICISM IN THE 30s OF THE TWENTIETH CENTURY. THREE ARTICLES BY J. NALOEV

Hakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

The article analyzes the prerequisites for the genesis and the initial stages of the formation of national literary criticism, identifies the main socio-political trends, under which the first attempts were made to scientifically and critically interpret the first artistic experiments of poets and writers. A brief description of the life and work of one of the first writers, prominent public figures of Dzhansokh Naloev is presented. The article is analyzed by J. Naloev's «Poets of Kabardino-Balkaria», which presents a brief outline of modern Kabardian and Balkarian poetry. The author analyzes the works of the first Soviet poets of Kabarda and Balkaria: Borukaev, Shekikhachev, Shogenov, Lukozhev, Blaev, Pshenokov, Kozhaev, Gurtuev, Shakhmurzaev, Otarov, Temoev and others. D.D. Naloev's article «From Dead to Living» was the first literary analytical work in which the results of the national literature of Kabarda and Balkaria over 12 years of the existence of Soviet power were summed up. The article by J. Nalov «Literature of Kabardino-Balkaria» reflects the transformation of D. Naloev's views on Kabardian folklore. J. Naloev was the first professional literary critic and literary critic who laid the foundations of Russian Kabardian literary criticism, deeply and comprehensively comprehended the most difficult period of the formation of young Kabardian literature of the beginning of the century.

Keywords: Kabardian literary criticism, intelligentsia of the 30s, the first writers, the Stalinist regime, literary criticism, the first literary works.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-78-86